

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

И.К. Пантин

Ключевые слова: марксизм, Русская революция, социал-демократия, большевизм, Современность, социализм, капитализм, пролетариат, крестьянство, индустриализация, коллективизация, политический переворот.

Исполнение социализма представляет... неожиданное сочетание отвлеченного учения с существующими фактами. Жизнь осуществляет только ту сторону мысли, которая находит себе почву, да и почва притом не остается страдательным носителем, а дает свои соки, вносит свои элементы. Новое осуществляется не так, как его представляли, оно является переработанным, иным...
А.И. Герцен

Каждый крупный исторический поворот в развитии общества проблематизирует наше знание о прошлом. Не зачеркивает, не опровергает, а именно проблематизирует, т.е. открывает в понимании прошлого новую ретроспективу, высвечивает в изучении этого прошлого не оцененные ранее конstellации фактов, наконец, бросает новый свет на уже известные факты и события. Но, главное, порождает новые, порой трудные вопросы, обращенные к истории.

Думается, что в наше время настала пора встреч двух веков: нынешнего, XXI-го и минувшего, XX-го, встречи потомков с предками, тех, кто ищет сегодня современных решений, учитывающих достижения науки и политического опыта, и тех, кто искал их вчера, надеясь через мировую революцию и социализм спасти Россию и человечество. Мы знаем сегодня, что Октябрьская революция – финал Русской – стремилась к невозможному: не закрепив добытую свободу в правовом строе, в традициях народа, она порывалась осуществить вселенское социальное освобождение, перейти прямо из пролога исторической драмы к ее заключительному акту. Разумеется, она смогла достичь лишь *осуществимого*. Возможен ли равноправный диалог между теми, кто жил несбыточными надеждами на мировую революцию, кто надеялся с ее помощью совместить свободу для всех с социальным равенством и справедливостью, и нами, их наследниками, кто знает, чем обернулась для нашего народа гражданская война, форсированная “социалистическая индустриализация” страны и “коллективизация деревни”, кто помнит о терроре тоталитарной власти. Несмотря ни на что, автор думает, что такой диалог все-таки возможен, хотя и донельзя труден. Но главное, он необходим нам, живущим сегодня, если мы хотим не только знать всю, без изъятия, историю России начала XX в., но и *понимать* ее, превращая тем самым ее в свое прошлое. Вспомним слова Хосе Ортега-и-Гассета: “...Превзойти прошлое можно только при одном неумо-

ПАНТИН Игорь Константинович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, политический директор журнала “Полис”. Для связи с автором: i.pantin@mail.ru

лимом условия — его надо целиком, как пространство и перспективу, вместить в себя... Было бы недурно, если бы бесповоротное “нет” могло бы покончить с прошлым. Но прошлое по своей природе *revenant* (привидение — *И.П.*). Как ни гони его, оно вернется и неминуемо возникнет. Поэтому единственный способ избавиться от него — это не гнать. Прислушиваться к нему. Не выпускать его из виду, чтобы перехитрить и ускользнуть от него. Короче, жить ‘на высоте своего времени’, ‘обостренно чувствовать историческую обстановку’ [Ортега-и-Гассет 1997: 96-97]. Повторим еще раз: Русская революция станет нашим *прошлым* только тогда, когда мы ее *поймем* как “пространство и перспективу” того времени.

К сожалению, двадцать лет, прошедшие со времени политического переворота 1991 г., мало что дали для понимания революции, а если иметь в виду теоретический *подход* к ее изучению, то здесь наметилось явное движение назад. Исключение составляет, пожалуй, только добротная книга англичанина Т.Шанина “Революция как момент истины. 1905-1907 — 1917-1922 гг.”, где автор, поставив под сомнение универсальность западноевропейского опыта, сумел глубже многих распознать характер и особенности Русской революции [Шанин 1997]. Разумеется, марксистский анализ Русской революции в том виде, в каком он практиковался в советское время, во многом устарел и нуждается в обновлении, особенно в той его области, которая связана с Октябрьской революцией и противоречиями ее развития. Но то, что нам сегодня предлагается в качестве оценки громадного исторического перелома 1917-1922 гг., выходит за рамки всякой науки (“бесовщина”, “конец русской истории”, “кровавый авантюризм”).

Понятно, что подобного рода оценки Русской революции связаны с прогрессистски-либеральным видением исторического развития России, для которого *заданность* западноевропейского типа развития является само собой разумеющимся “историческим законом”. Оттого-то несовпадение с ним исторического движения нашей страны, непохожесть, а тем более отклонение от этого шаблона поступательности квалифицируется как выплеск первобытных, варварских сил, выпадение из цивилизационного процесса, “реакция традиционного общества на техногенную цивилизацию с использованием всех приобретений этой цивилизации для воскрешения прошлого” [Кантор 1997: 170] и т.д. С парадигмой заданности развития истории соседствует теория заговора, выступающего, по справедливой оценке Т.Шанина, “как подтекст теории прогресса”. Октябрьский политический переворот 1917 г. и последовавшие за ним события, с точки зрения этого истолкования истории России, это всего лишь результат случайного стечения обстоятельств (усталость от войны, нетерпение рабочих и крестьян, большевистский заговор, осуществленный на “немецкие деньги” и т.п.). Спустя семь десятилетий история, по их мнению, “поправила” политическое и социально-экономическое развитие России: она вошла, наконец-то, в общую прогрессистскую колею. Данная статья не ставит своей задачей переубедить этих людей. Автор хотел бы показать возможность иного подхода к изучению Русской революции — более реалистического, более исторического и, если угодно, современного. Этот подход не связывает процесс исторического развития с действием всеобщих (экономических, социологических и иных) законов, независимых от челове-

ского выбора и якобы предопределяющих конкретные исторические этапы развития всякого общества, или, наоборот, с абсолютизацией роли случайностей в общественной эволюции. Он исходит из того, что люди сами творят свою историю — в ходе революций в особенности, — но творят ее не в пустоте, не по произволу, а при определенных экономических, политических, культурных, психологических и иных обстоятельствах.

В статье мы будем говорить не о трех русских революциях, как принято в исторической литературе, а о Русской революции в целом. Дело заключается не в том, что автор игнорирует своеобразие этих трех периодов. Просто ему важно выделить и понять внутреннюю связь в развитии революции, этапами которой явились революция 1905-1907 гг., Февральская революция 1917 г., наконец, Октябрьский политический переворот, который после окончания гражданской войны был назван Великой Октябрьской социалистической революцией. Иными словами, Русская революция рассматривается в статье как единый, хотя и разделенный во времени, процесс разрешения проблем страны, доставшихся от прошлого. *Лишь с победой большевиков исчерпал себя комплекс проблем, возникших в середине XIX в.* С торжеством Октябрьской революции крестьянство под руководством большевиков и левых эсеров нанесло решающее поражение “высшим классам” старой России, связанным прямо или косвенно с остатками крепостничества, с прусско-юнкерским развитием деревни, а заодно положили конец и господству буржуазных групп, которые выражали новейшие капиталистические тенденции. Правда, революции не только решают старые проблемы, они выдвигают новые, не менее острые и драматические. Вот почему то, что происходило после окончания активной фазы борьбы (в России она включала и гражданскую войну), непосредственно входит в понимание характера революции.

И еще одно обстоятельство. Автор статьи вслед за М.Я.Гефтером считает необходимым разводить два понятия: “Октябрь как событие” и “Октябрь как эпоха”. По нашему мнению, это разные фазы в развитии революции, весьма несхожие по своему политическому содержанию (вместе с крестьянством — против крестьянства), идеологическим формам самосознания, психологическому облику, не говоря уже о существенно различном отношении масс к социальным преобразованиям. Используя выражение К.Маркса, можно сказать, что если сразу после октябрьского переворота 1917 г. *само общество* попыталось завоевать себе новое, социалистическое содержание, не осознавая, что оно, это содержание, находилось в разительном противоречии “со всем тем, что можно было осуществить сразу, непосредственно из данного материала, на достигнутой массой ступени развития, при данных обстоятельствах и условиях” [Маркс 1957: 125], то во время и, главное, после гражданской войны *государство*, провозгласившее себя пролетарским и социалистическим, обретает невиданную прежде самостоятельность, становится демиургом процесса изменений, стирая грань между собой и гражданскими институтами, формируя новый тип организации, основанный на подчинении всех сфер общества государственной власти. Перед лицом деспотической власти общество отрывается от собственной воли и подчиняется чужой, якобы всеобщей и народной.

Как всякое крупное историческое событие, Русская революция представляет собой нечто цельное, органически выросшее из всей совокупности фактов прошлого и будущего. В этом смысле революцию можно рассматривать как процесс образования внутренних и внешних условий разрешения общенациональных проблем страны. Однако существует и иной ракурс рассмотрения Русской революции. Всякая революция включает в себя огромное число элементов целенаправленного действия, связанного, прежде всего, со значениями и культурными смыслами данного общества. Эти действия не просто видоизменяют общий закон движения истории, сверх того они обладают новыми возможностями, открывающими целую шкалу вариантов будущего. Историческое событие, такое как Русская революция, обладает не только более высоким рангом сложности, который можно учесть, спрогнозировать, проводя через каждую “точку” социального пространства большее количество объективных “координат”. Его особенность, с которой приходится считаться исследователю, в том и состоит, что ряд ее “координат” вообще нельзя вывести заранее, “объективно”, на основании установленных социологических или экономических закономерностей, вроде отношений “базис — надстройка”, “мир — отдельная страна”, “необходимость — свобода” и т.п. Конечно, 1861 г. подготовил 1905-1907 гг., а затем и 1917-1922 гг. Однако никакого наперед заданного вектора развития, направленного к революционной развязке аграрного вопроса, не существовало. Понадобился целый ряд обстоятельств, которые появились значительно позже, чтобы этот вопрос стал оселком революционного переворота в России.

Всякая революция, а Русская в особенности — это напряженная волевая деятельность авангарда и масс, непосредственное вмешательство людей в “силу обстоятельств”, в сложившийся “ход вещей”, резкая перемена в образе социального бытия народа. В революции люди действуют как “свободные агенты” (Маркс), по необходимости активно и предприимчиво. В раскаленной обстановке политических страстей расчет выгоды, как правило, перестает определять поведение отдельного человека, более того, целых социальных слоев. Людям кажется, что совершив насилие над собой и над другими, они прорываются в будущее, обретают новый мир. К этому надо прибавить вечный парадокс революций: разрушая старый порядок вещей, они почти никогда не несут с собой ожидаемого ее участниками и, главное, массами эффекта — наступления “царства свободы и благоденствия”.

Революционный взрыв нельзя предугадать заранее (в отличие, например, от политического переворота, который готовят). И дело здесь заключается не в ограниченности общественного знания, даже научного, а в том, что революция, предполагающая активные действия исторических субъектов (отдельных лиц, групп, социальных слоев), не допускает однозначного предвидения ее результатов с помощью научных, т.е. абстрагированных от человека методов. Как справедливо, на наш взгляд, подчеркивает Б.Г.Капустин, “... акты свободы не предсказуемы в принципе. Такова их онтологическая ‘природа’, укротить которую не в силах никакая методология познания, даже та, которой обладают ‘самые передовые’, ‘современные социальные науки’” [Капустин 2010: 146-147]. Превращение в определенный момент подчиненных, угнетаемых масс в исторических деятелей, в главных героев исторической драмы требует при-

знания особого типа социальной детерминации — “детерминации свободой”, “детерминации идеалом”. В этом смысле революция идет своими собственными путями, над которыми политический авангард не властен, даже если он возглавил очередной этап развития кризиса. Большевики вовсе не были демиургом процесса, который они развязали, овладев в октябре 1917 г. государственной властью. Более того, такие существенные “детали развития” (Ленин), как Брестский мир, “красный террор”, “военный коммунизм”, НЭП и т.п. они не предвидели и не могли предвидеть. Мы уже не говорим об установлении тоталитарного режима на рубеже 20–30-х годов. XX в., террора власти против собственного народа и т.п. Предугадать этот извилистый ход событий революции, а тем более “вывести” его напрямую из большевистского переворота в октябре 1917 г. нельзя, хотя это сплошь и рядом делают.

Как обозначено в названии статьи, Русская революция рассматривается с точки зрения политической философии. Иначе говоря, в границах указанного подхода к исследованию задаются и определенный ракурс изучения революции, и состав рассматриваемых проблем, и исходное расчленение предмета анализа.

Долгое время понятия “сфера политического”, “политическая философия” почти не употреблялись как концептуальное обозначение особой области социальных отношений, и, главное, как особый метод реконструирования исторической действительности. Среди множества причин, обусловивших это положение, отметим одну, на наш взгляд, главную — специфический эпистемологический статус политического знания, в нашем случае политической философии.

52

Политическая философия формирует специфическое знание, которое носит не абстрактно-объективный, а деятельно-субъективный смысл. В определенном смысле она расширяет наш подход к познанию прошлого, поскольку рассматривает историческую реальность не только как данность, независимую от воли людей, но и как бытие, которое каждый раз определяется духовно-практической деятельностью наличных общественных сил. Именно в политической философии предмет, действительность, выражаясь словами Маркса, берется как “человеческая чувственная деятельность”, как “практика”, т.е. “субъективно”. Соответственно вопрос о рациональности, “предметной истинности” той или иной идеологии, системы взглядов, того или иного способа мышления решается не как вопрос чистой теории, оценки с точки зрения того или иного научного “образца”, а с точки зрения отношения их к политической практике.

Любой политический субъект — человек, индивид или социальная группа — не отделяет себя от реальной действительности и не оценивает себя “со стороны”, а напротив, воспринимает себя самого как *часть*, причем самую существенную, раскрывающейся перед ним действительности, социального бытия. И это отнюдь не aberrация сознания. Назначение и роль политики в общественной жизни заключается в том, чтобы *выйти за границы* воспроизводства данных социальных условий, обнаруживая через духовно-практическую деятельность иную перспективу, иное протяжение человеческого бытия и истории. Соответственно, мотивы политической деятельности определяются не извне, а изнутри — той практической, волевой, духовной зада-

чей, которую обществу предстоит выполнить. В этом смысле политическая форма сознания существенно отлична от научно-теоретического (экономического, социологического и т.д.) воззрения на общественные процессы, поскольку объективные, независимые от человека детерминанты исторического движения трансформируются здесь в особые интересы, цели, в “должное”, определяющее поведение политических акторов.

В политически мыслимой действительности линия разграничения “субъект-объект” перестает быть неизменной, жестко фиксированной, она зависит от степени развития политического субъекта, а также от того, как соотносится его особая задача, интерес, волевая деятельность с объективными потребностями своей эпохи. Правда, необходимо учитывать одно существенное различие. Есть эпохи, когда размерность стихийного, “слепого” хода событий настолько велика, что сознанием и деятельностью людей как “свободных агентов” (Маркс) можно пренебречь. Это область применения экономических, социологических и т.п. методов изучения истории. Но есть и другие, чреватые изменениями ситуации, когда общественный процесс теряет свой стихийный характер, поляризуется. Политическая деятельность партий, классов и масс выходит в это время на первый план, становится главным фактором формирования новой действительности. Это эпохи революций. Богатство явлений в этом случае не может быть выражено только в социологических закономерностях. В самой исторической практике появляется потребность в более широкой, многосторонней, “глубинной” ориентации субъекта действия. И не случайно такие эпохи называют “моментами истины”. “Естественно-историческая” (Маркс) природа общественного развития сохраняется, однако акцент переносится на “историческое”, обретающее новый, более высокий ранг.

Политическая теория не ограничивается анализом “реального хода событий” реализации уже выявившихся возможностей. Ее точка зрения шире, потому что охватывает не только данное, но и “должное”, т.к. рассматривает развитие общества в связи с потенциально возможным изменением практической деятельности социальных сил. То, что в социологической науке существует порознь (“материальное” и “идеальное”, “объективное” и “субъективное”, “бытие” и “сознание”), в области политического, включая политическое знание, теряет свою противоположность и строгую субординацию (“первично” – “вторично”, “причина” – “следствие”). Эти понятия могут быть рационально поняты в политическом знании только в единстве и взаимодействии, фокусом которых является политическая практика.

Разумеется, речь идет не о том, чтобы отказаться от объективной точки зрения на исторический процесс, на происходившее в начале XX в. в России – без понимания характера экономической эволюции страны и обусловленных ею классовых отношений анализ идеологии и действий политических сил, участвовавших в Русской революции, вырождается в субъективизм мнений о ней и, что еще хуже, в морализирование по поводу ее средств и результатов, как это происходит сегодня. Дело политолога заключается в другом: в выработке такой теоретической онтологии, где политические субъекты (акторы) помещаются непосредственно внутрь комплекса общественных связей, рассматриваются как составная часть движения исторической действительности. В этой онтологической картине меняются одновременно и характер осознания

реальности субъектами действия, и мыслимое ими общественное бытие. С одной стороны, политическое мышление, выражаясь словами А. Грамши, становится таким осознанием противоречий действительности, “при котором сам философ, понимаемый как индивидуум или цельная социальная группа, не только постигает противоречия, но и берет самого себя как элемент противоречия, поднимает этот элемент до принципа познания и, следовательно, действия” [Грамши 1959]. Каждый из акторов имеет свою систему координат: политико-философский анализ отрицает существование “абсолютной”, единственно истинной системы отсчета, будь то, скажем, политический опыт стран Западной Европы, как в начале XX в., или США, как сегодня. Для деятельности Ленина этот пункт оказался особенно важным и трудным, поскольку марксизм того времени был учением по преимуществу европоцентрическим, не охватывающим специфику отношений в России, где сходные с капиталистической Европой социальные силы существенно по-иному соотносились друг с другом. С другой стороны, историческая реальность в политической теории рассматривается как *пространство возможного*, как такое бытие, которое задано духовно-практической деятельностью определенных общественных сил. Объективно-экономические законы развития общества в этом случае не отрицаются, просто-напросто они трактуются не в положительном смысле, как главные определители поведения людей, а в отрицательном — как запрет на изменения, противоречащие характеру экономической эволюции на данном этапе. (Правда, осознание подобного рода запрета в революционные эпохи приходит, как правило, с большим опозданием, через ряд болезненных изломов и коллизий).

Но это еще не все. В пространстве политического *ситуации* придается более высокий онтологический статус, чем в общей теории исторического процесса. Во всяком случае, цена частного, индивидуального, неповторимого значительно возрастает. Оно трактуется уже не просто как проявление неких общих законов, но как завязь, начало новых исторических тенденций. Меняется и исследовательская задача. Она заключается уже не в том, чтобы ухватить действительность с помощью наперед заданной теории общественной эволюции — либеральной, марксистской, все равно. Здесь, отталкиваясь от конкретного, контекстуального знания, приходится выявлять, каким образом и благодаря чему возникают те или иные ситуации и черты действительности. А это уже иной подход, при котором нужно не просто определить объективное направление эволюции данного общества, а проанализировать механизм его изменения в конкретных условиях, при данном соотношении политических сил. Экономические зависимости в политическом знании, как отмечалось выше, уже не могут рассматриваться в качестве причин, определяющих ход событий и действия людей. “Необходимость” выступает здесь не в прежнем, сциентистеки-онтологическом смысле (“так неизбежно будет”), и уж тем более не в моралистическом (“так *должно* быть”), а в конкретно-историческом, политическом смысле, ориентирующемся на ситуацию, волю определенной силы, на ее способность изменить в свою пользу соотношение сил в стране.

Соответственно этому и сама задача политического (политико-философского) анализа формируется иначе: речь идет о том, чтобы “выяснить, учесть, свести воедино все, что исторически особая действительность вносит

нового в действие ‘общесоциологических законов’, в ‘особое’ и деятельность людей, вступивших в борьбу за переделку этой действительности” [Гефтер 1969: 35]. Детерминистическая картина исторического процесса остается, она теряет статус первичного предмета, из которого может быть выведен ход исторических событий. Не закономерность плюс индивидуальные отклонения, вызванные предшествующей историей и деятельностью людей, а закономерность как конфликт и равнодействующая объективных тенденций действительности, заключающая в себе разные возможности политического действия – вот что становится предметом политико-теоретического рассмотрения.

В этом мыслительном пространстве появляется новое “измерение” исторического процесса – *проблема альтернативы* данному ходу дел, данному типу (форме) исторического и экономического развития. Альтернатива – это не то, что существует “объективно”, *до и независимо* от сознания и деятельности людей, что нужно только открыть, понять. Альтернатива возникает и навязывает себя как необходимость лишь тогда, когда размежевание внутри общества достигает степени субъективного, проявляющегося в идеологии и действиях, самоопределении классов и общественных групп. Только тогда, через духовно-практическую деятельность людей, т.е. через политику, становится решаемым конфликт идеального и материального, “выбор пути” наполняется политическим, а в итоге и историческим содержанием. Другими словами, не осуществление предуготованного историей пути, не однолинейный, экономический или как-то по-иному детерминированный процесс, а равнодействующая общественной борьбы, столкновения интересов и воли внутри страны и на международной арене, тенденций прогресса и регресса, соотношения “западного” и “самобытного” – вот что становится центром политического, политико-философского исследования. Повторения и регулярности, на которых базируется общественная наука, уже не могут рассматриваться как нечто абстрактно самодовлеющее, как существующее независимо от состояния общественных субъектов (партий, классов и их борьбы).

Пореформенная Россия одной из первых среди евроазиатских стран продемонстрировала, что генезис, структура, историческая миссия капитализма на периферии капиталистического мира существенно отличаются от таковых в метрополиях. Если в Западной Европе капитализм родился из разложения непосредственно исторически предшествующего ему феодального уклада, то в России разложение крепостного строя происходит уже в рамках капитализма, движения буржуазного способа производства. Предыстория его не просто передвинулась за формационную черту, но определила особый тип буржуазного развития страны. Прежде всего подчеркнем, что капитализм в России, сразу вставший на индустриальную основу, возник под воздействием извне, как вторичное явление, перенесенное с Запада искусственными (государственными) средствами. Индустриальная форма капиталистического развития в нашей стране не столько продукт предшествующей экономической эволюции, как это было в странах Западной Европы, сколько результат осуществившегося вне России превращения капитализма в индустриальную форму и перенесения его в нашу страну [см. Крылов 1982: 23]. Царское пра-

вительство под угрозой крупных геополитических осложнений вынуждено было “европеизировать” страну, насаждая новые формы отношений в экономике и обществе.

Казалось бы, какая разница, *как* в стране возникает индустриальный капитализм: путем постепенного, “органического” развития или в результате того, что его *насаждают* на существующую социально-экономическую почву. Однако эта разница существенна, и первыми ее почувствовали русские народники. Мы опускаем здесь взгляды народников, будто такой имплантированный капитализм означает “отсутствие корней” для его развития в России, появление возможности миновать капиталистическую фазу эволюции страны и т.п. Народнический экономист Н.Ф.Даниельсон в одном из своих писем ставит эти вопросы перед Ф.Энгельсом. Русский корреспондент Энгельса исходил из того, что насаждаемый самодержавием “сверху” капитализм в такой стране, как Россия, не имеет будущего, поскольку разоряя непосредственных производителей, буржуазное развитие тащит страну назад. Отсюда вопрос, обращенный к Энгельсу: “А теоретически? Куда мы идем?”. Ответ последнего сводился к указанию на то, что *способ* внедрения капитализма в новый социально-экономический организм (“сверху” или “снизу”) является “второстепенным” (Маркс в этом пункте был гораздо осторожнее). Да, признавал он, внезапный рост капиталистической крупной промышленности вызван в России “искусственными средствами”. Он насаждался царским правительством. Но коль скоро капитализм в стране уже налицо, он будет развиваться по имманентным ему законам — создавая (и разрушая) свой внутренний рынок, производя “революцию в отношениях земельной собственности”. В одном только пункте Энгельс вполне согласен с Даниельсоном: “Потрясение, произведенное этим экономическим переворотом, может оказаться гораздо более сильным и острым, чем где бы то ни было” [Энгельс 1966: 55].

Сегодня можно утверждать, что диагноз Энгельса был верным только в тех пределах, в каких он обобщал историческое развитие западноевропейского региона, но ограниченным и недостаточным, когда речь шла о России, где способ внедрения капитализма для судеб страны оказался отнюдь не второстепенным вопросом. Именно он обусловил существенно иной, чем в Западной Европе, путь приобщения нашей страны к новоевропейской цивилизации — тяжелый, катастрофический, но иной. Вся история России показала, как важно критически осмысливать ту *социальную форму*, в которой происходило и происходит становление и развитие буржуазных отношений. Все значение, которое имеет понятие “переход России к капитализму”, заключается, на наш взгляд, в том, чтобы осознать особенности развития, фиксируемые в нем, возможные альтернативы данной форме возникновения и утверждения буржуазного строя. В этом случае вопрос “Куда идет Россия?” переформулируется в вопрос: “Какой быть России?” при том или ином характере российской власти, поведения ее вне и внутри страны, развития противоречий социальных групп и т.п. Другими словами, не однолинейный, экономически детерминированный прогресс, а равнодействующая общественной борьбы, столкновения воли и интересов — вот что определяло и будет в дальнейшем определять характер капиталистического развития России.

Вернемся, однако, к основной нити изложения.

Разумеется, воздействие капитализма катализировало разложение старой экономической организации. В этом смысле рождение капитализма было, вне сомнения, шагом вперед по пути прогресса. Однако *тип* капитализма, который складывался в России после 1861 г., существенно ограничивал прогрессивные тенденции буржуазного способа производства. Любой капитализм, где бы он ни возник, предопределяет разорение непосредственных производителей (“экспроприацию народных масс”, по Марксу). Но это разорение может быть выражением общего прогресса страны на капиталистическом пути, как это происходило в Западной Европе или в США, а может быть, как в России, средством создания капитализма *за счет* пауперизации крестьянского населения в интересах господствующего класса, что вело к гигантской поляризации общества. В последнем случае проникавшее в старые социальные отношения буржуазное содержание не сглаживало противоречия между капиталистической эволюцией страны и отсталыми способами производства в сельском хозяйстве, а наоборот, обостряло их, добавляя к варварству крепостничества все пороки капиталистического развития. О России XIX – XX вв. можно было бы сказать то же самое, что Маркс говорил о Германии: “она разделяла *страдания* этого развития, не разделяя его радостей, его частичного удовлетворения” [Маркс 1955: 424].

Будучи имплантированным в старый общественный организм, крупно-промышленный капитализм в России оказался неспособным стать фактором, который конституировал бы внутреннюю целостность общества, преобразовал сверху донизу социально-экономическую структуру страны на капиталистических началах. И не случайно развитие капитализма в России привело к невиданной поляризации буржуазных отношений: с одной стороны, радикальная, по тогдашним меркам, разумеется, промышленная революция в городах, с другой – помещичьи латифундии в деревне, реализующие свою частную собственность на землю через мелкокрестьянскую аренду феодального типа. Подобного рода совмещение в пределах одной общественной системы зрелых форм капитализма и диких пережитков крепостничества определило как весь ход буржуазного развития России во второй половине XIX – начале XX вв., так и, в особенности, характер проблем и противоречий, которые пришлось решать Русской революции. Таким образом, исходным пунктом оценки российской ситуации должен быть не вопрос о том, насколько был развит капитализм, а *способ* формирования основных предпосылок буржуазной эволюции в стране, где развивался современный индустриальный капитализм, но не сложились общие условия (экономические, социальные, политические, культурные) капитализма “свободной конкуренции”. Отсталая структура производственных отношений в России оказалась не столько пережитком крепостнического прошлого (хотя, конечно, и его), сколько результатом того типа капиталистического развития страны, условием которого служила неразвитость личных и объективных факторов большинства населения.

Отсюда трудная проблема русской буржуазной революции. Она была призвана не только освободить страну от самодержавия, сломать старый политический строй, но и разрешить противоречия “зависимого” буржуазного развития, создать условия для широкого, незадержанного прогресса России. В пер-

вую очередь это касалось уничтожения полукрепостнического помещичьего хозяйства, которое порождало крестьянское малоземелье и препятствовало повышению агрокультуры в сельском хозяйстве и культуры населения в целом. С другой стороны, необходимо было доделать то, что не сумел сделать российский капитализм — создать условия для преодоления разнородной укладной структуры страны, где были представлены все ступени социального развития от первобытных отношений до индустриальных, капиталистических, сформировать современную, новоевропейскую по основным своим параметрам социальную структуру. Задачи Русской революции, таким образом, неточно было бы определить как просто буржуазные. Они выходили за пределы той отсталой, отягощенной пережитками крепостничества формы буржуазного развития, которая складывалась в России в конце XIX — начале XX в. (Ленин назвал этот капитализм “октябристским капитализмом” по названию консервативной буржуазной партии в России), т.е. были в определенном смысле антибуржуазными. К тому же, революционным классом, в котором олицетворялись бы потенции радикального буржуазного преобразования страны, оказалась, как ни парадоксально, не буржуазия, а крестьянство с рабочим классом в качестве руководителя. Уяснение этих особенностей, наложивших печать на Русскую революцию, а еще более выработка политической тактики социал-демократии потребовали от Ленина, лидера большевистского крыла РСДРП, переосмысления ряда важных позиций марксистского учения.

Таким образом, Русская революция, включая октябрьский перелом 1917 г., легитимируется автором, как по-видимому, уже понял читатель, не через социализм или переход к социализму (хотя действующие лица исторической драмы именно так ее осознавали и обосновывали), а через ответы на вызовы Современности. Как отмечал Б.Г.Капустин в своей работе “Современность как предмет политической теории”, “Современность ‘есть не еще одна’ структура и характеристика общества, а проблема, причем проблема культурная, оборачивающаяся *центральной политической проблемой* тех обществ, которые с ней сталкиваются (как скажем, Россия в XX в. — *И.П.*) и которые после такого ‘столкновения’ уже не могут от нее ‘укрыться’” [Капустин 1998: 3].

В этой связи по-иному предстает такое событие, как Октябрьский политический переворот 1917 г. Проблема России в начале XX в. заключалась отнюдь не в том, что капитализм якобы исчерпал ресурсы развития; совсем напротив, он быстро рос и в нашей стране, и на Западе, а в невозможности преодолеть с помощью буржуазного экономического роста старые, идущие от российского крепостнического прошлого, и новые, связанные с особенностями капиталистического развития страны, социальные диспропорции и антагонизмы. Прогресс в России, который, не переставая быть *буржуазным по своему экономическому содержанию, оказался невозможным без взрыва буржуазной политической оболочки, а также радикальных мер, выходящих за пределы “старого”, прусско-юнкерского капитализма.* Создать условия для появления свободных земледельцев, завершить вековой спор миллионов крестьян с дворянской (и сросшейся с ней буржуазной) Россией стало исторической миссией пролетарско-крестьянской революции во главе с большевиками. Другое дело, что завоевать эти более высокие условия прогресса оказалось невозможным, не затронув в ходе революции как первичные, так и более развитые формы того капитализма, который сфор-

мировался после 1861 г. (отсюда “социалистические” иллюзии *разрыва* с капитализмом вообще, антирыночная, антикапиталистическая идеология и практика партии в 30-х — 80-х XX в. Отсюда же неизбежность “демократической перестройки” в 90-х). Только переход после окончания гражданской войны на позиции, соответствовавшие экономическим и культурным предпосылкам, существовавшим в России, обнажил это внутреннее противоречие Октябрьской революции и заставил Ленина и большевистское руководство признать — к сожалению, только на время — неизбежность рынка и товарно-денежных отношений, но теперь под началом пролетарской власти.

Спору нет, история России XX в. носит драматический характер. Однако срывы и тупики Русской революции, в том числе и коммунистический тоталитаризм, автор этой работы в противовес своим либеральным оппонентам соотносит не просто с отходом России от якобы основной, европейской магистрали прогресса, с перерывом поступательного развития, вызванным гигантской отрывкой веков, а, прежде всего, и главным образом с мучительным поиском ответов — всегда разных, поскольку ситуации различны — на вызовы и проблемы Современности в том виде, в котором они в то время выступали. И тогда от обличения злодеяний “белых” и “красных” в гражданской войне, осуждения тоталитаризма мы переходим к изучению причин, вызвавших их появление, выявлению возможных альтернатив большевистской революции (коль скоро они существовали в реальности), наконец, к анализу исторических последствий господства коммунистического режима.

Автор отдает себе отчет в том, что порывает с устойчивой традицией, закрепившейся в левой литературе, рассматривать Октябрьскую революцию как начало перехода России и мира к социализму. В особенности в советской литературе, якобы следовавшей строго научной традиции марксизма, Русская революция выводилась напрямую из развития капитализма в нашей стране, нараставших противоречий между буржуазией и пролетариатом (иначе ведь нельзя было объяснить Октябрьскую *социалистическую* революцию 1917 г.). При этом напрочь игнорировалось то, что “стаж” промышленного капитализма в России насчитывал всего несколько десятилетий, а главными вопросами октябрьского (1917) политического переворота были вопрос о мире и вопрос о земле, а отнюдь не “рабочий вопрос”. Разумеется, капитализм, особенно международный, его противоречия входили в состав событий Русской революции — без них невозможно уяснить ее специфику. Но являлись ли они причиной революции и, главное, *как* они входили в революционные события России — вот проблемы, то или иное решение которых разделило в свое время и разделяет до сих пор исследователей. (Характерно, что нынешние противники коммунизма из лагеря либералов, консерваторов и монархистов подхватили концепцию левых и с упоением списывают на социализм все злодеяния сталинского режима).

Думается, если и существовал в Русской революции собственно социалистический — по Марксу — компонент, то он ограничивался реально: а) нападением на частную собственность; б) участием в революции рабочего класса под руководством большевистской партии, не более того. Речь могла идти в России только об одном — о *праве начать* решение исторической задачи рабочего класса, как она была сформулирована в марксизме. Только в этом

смысле и в этих пределах Октябрьская революция 1917 г. может быть признана социалистически ориентированным решением проблем и задач, вставших перед Россией. Что же касается уничтожения частной собственности и огосударствления средств производства в СССР, то к социализму они не имеют никакого отношения; ни подчиненного положения работника, ни развития его социальных качеств эти меры фактически не затрагивали. Но именно эти меры буржуазная литература по понятным причинам называет социализмом.

В этой связи возникает трудная проблема — определение социально-экономического содержания Октябрьской революции в категориях, принятых в классическом марксизме (буржуазная, социалистическая или какая-то другая). О революционных эпохах нельзя судить по их сознанию, неоднократно подчеркивал Маркс. Чтобы не впадать в идеологическую односторонность, исследователь обязан различать (а иногда и разводить) *осознание* смысла действий участниками переворота и действительный *характер* задач, решаемых революцией, отделять в своем анализе идеологию переворота от реальной политической практики. Трудность определения характера Октябрьской революции заключается в том, что социалистическая идеология, через которую осмысливали задачи переворота основные политические акторы (большевики, левые эсеры), противоречила тому, что возможно было сделать в России при тогдашнем положении, отношениях, условиях производства и культуры населения.

Здесь следует зафиксировать один важный пункт: социалистическая тенденция в Русской революции существовала, скорее, в негативном смысле, как движение низших классов, включая пролетариат, направленное против сложившегося отсталого типа буржуазной эволюции страны, а не в позитивном — как необходимость перехода к социализму. Социал-демократическая, затем большевистская, интеллигенция, придерживаясь идей и требований “научного социализма” Маркса и Энгельса, сплошь и рядом не осознавала того, что цели и идеология социализма в России вытекали скорее из понимания *общих результатов* общественного и политического движения в мире, а не из данных условий производства и обмена в России. Что касается социализма народнической интеллигенции, то ее идеология была тоже производной от европейского социалистического идеала, за иллюзорно-утопической оболочкой народнического социализма скрывалось демократическое, прогрессивно-радикальное ядро — решимость русского крестьянина смести с лица земли самодержавно-помещичий строй, довести до конца крестьянскую буржуазную революцию.

В том, что российская революция осмысливала свои задачи как социалистические, таилась двоякого рода тенденция. С одной стороны, социалистический ингредиент идеологии связывал демократизм масс, рабочих и крестьян с проповедью далеко идущих, хотя и буржуазных по своему экономическому содержанию преобразований, придавая этому демократизму антибуржуазный характер. С другой — в нем таилась возможность отлета мысли и революционного действия от реальных проблем российской действительности, опасность “социалистической” переоценки уровня развития, достигнутого массами ко времени революции. История Русской революции продемонстрировала обе тенденции: и поистине всеобъемлющий размах социальных преобразований, выходящих за пределы допустимого для буржуазии, и сектантскую узость сталинского руководства партии, не сумевшего, не поже-

лавшего продвигаться вперед вместе с крестьянством и поэтому развязавшего террор во имя “социализма” против собственного народа.

Остановимся специально на том, какую роль сыграла социалистическая идеология в Русской революции. Чем она была в событиях Октября 1917 г. и чем стала после смерти Ленина?

С точки зрения “ортодоксального” марксизма, которой придерживались меньшевики, овладение государственной властью социал-демократической партией (даже в составе “левого блока”) в условиях *буржуазного* переворота было явным нонсенсом, “химерическим планом”, который обернется самообманом социалистов и обманом рабочих. “Если, как говорит Маркс по поводу Великой Французской революции, — писал П.Аксельрод еще в 1903 г. — в ‘классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы иллюзий, необходимые для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно ограниченное содержание своей борьбы’, то отчего бы истории не сыграть с нами злую шутку, облачив нас в идейный костюм классически-революционной социал-демократии, чтобы скрыть от нас буржуазно-ограниченное содержание нашего движения” [Аксельрод 1903].

Если брать общую теорию марксизма, то позиция Аксельрода не вызывает сомнений. Но абстрактно-всеобщие положения марксизма, верные для любой страны, для любой исторической эпохи, становились ложными, если их непосредственно, без переосмысления применяли к конкретным условиям конкретной революции. “Есть граница, — разъяснял меньшевикам Ленин, — перейдя которую, вы превращаете эти бесспорные указания в сужение задач и размаха движения, в доктринерское забвение насущных задач момента” [Ленин 1960: 356]. В данном случае мы можем еще раз констатировать, что политическая (политико-философская) точка зрения на задачи социал-демократии в Русской революции оказалась отличной от общесоциологической марксистской теории. Общая “формационная” схема без конкретного политического ее переосмысления оказывалась недостаточной, неверной, поскольку она не брала во внимание специфический характер российской общественной ситуации, игнорировала новые возможности политического действия, т.е. все то, от чего должен отталкиваться, учитывать политический мыслитель, человек действия.

Буржуазный, точнее буржуазно-крестьянский, характер Русской революции был очевиден всем российским социал-демократам. Дело заключалось в другом — в том, *кто и как* построит новую Россию — пролетариат, его партия, ведущие за собой крестьянство, или помещики и буржуазия, направляемые либералами. В разном ответе на этот вопрос заключался корень расхождений между большевиками и меньшевиками. Коренная идея марксизма: рабочий класс может освободить себя лишь освободив все общество, относилась, по убеждению Ленина, не только к заключительному социалистическому этапу освободительной борьбы рабочего класса, как доказывали меньшевики, а ко всему освободительному движению. Более того, она была призвана направлять каждый шаг социал-демократии в борьбе за новую Россию против старой.

Социалистически ориентированная идеология большевизма была идеологией, органически соответствовавшей требованиям сложного исторического периода. Она учитывала реальные условия освобождения народа от веково-

го рабства, проповедуя революционную борьбу “низов” против полукрепостнических отношений в экономике, политике и общественной жизни России, даже если эта борьба задевает интересы либеральной буржуазии. В таком контексте идеология пролетарского социализма превращалась в стимулирующий элемент исторического творчества масс. Соответственно, ее оценка с позиций противопоставления иллюзорного реальному, утопии науке становится недостаточной, неверной. На первый план выходило не ее соответствие канонам социальной науки, а ее политическое (историческое) значение как *руководства к действию*. Другое дело, о чем никогда не забывал Ленин, что социалистическая, большевистская партия встала у кормила государственной власти в стране с преобладающим крестьянским населением, для которого проблема непосредственного осуществления социалистических мер в общественной жизни была совершенно чужда.

Призывая к свержению буржуазного Временного правительства (т.е. к социалистической по марксистским канонам революции) в стране “средне-слабого” развития капитализма, Ленин прежде всего отвечал на *непосредственные* вызовы ситуации второй половины 1917 г. Кризис власти, продовольственный кризис, корниловский мятеж, усиливавшийся хаос и т.п. подвигали страну к катастрофе. Что касается дальнейшего движения революции, то тут дело обстояло значительно сложнее. Выдвигая лозунг социалистической революции, реальным содержанием которой на тот момент могло быть только свержение буржуазной власти и приход к власти правительства большевиков и левых эсеров, Ленин-политик, думается, вряд ли тогда мог предположить, что захват политической власти социалистическими партиями развяжет стихию социальных войн, где ожесточение разных сил дойдет до крайности и выльется в кровавую перетасовку, которой не знала ни одна европейская революция. Политический переворот, совершившийся под знаменем социализма, превратился, а вернее, был превращен ходом революции, в *социальный* (хотя в другой смысле, нежели предполагали марксисты) *сдвиг*, в итоге — в пролог целой эпохи под названием “гражданская война” и “военный коммунизм”. Но главное, переворот детонировал взрывные процессы многовековой давности. Здесь и стихия взаимного отторжения социальных групп, ведущая свое начало от характера российской истории, и вырвавшийся на поверхность общественной жизни антагонизм “барина” и “мужика”, и анархический способ властвования, когда народная стихия прямо определяла действия институтов власти, и захват рабочими предприятий (вместо намеченного большевиками рабочего контроля), и наконец, неукротимая жажда справедливости, овладевшая миллионами впервые раскрепощенных людей, которая сметала все преграды и т.п. Все это очень трудно назвать социалистической революцией. Правда, важно не забывать, что надежда Ленина на успех *социалистического* переворота в России была связана с приближавшейся, как он думал, европейской пролетарской революцией и превращением благодаря этому России в “отсталую социалистическую страну”. Но революция эта в итоге не наступила или, по крайней мере, потерпела поражение. Зато Россия после Октябрьского переворота оказалась ввергнутой в пучину тяжелейшей гражданской войны, из которой большевистская партия выйдет существенно изменившейся в политическом и культурном отношении.

Спустя несколько лет после ее окончания антибуржуазная тенденция Октября, названная социалистической, станет – парадокс нашей революции – основным препятствием на пути НЭПа, политики союза с крестьянством, развития рынка и товарного производства, а позже оправданием тотального насилия против крестьянства. Ленин одним из первых начнет осознавать, – к сожалению, только начнет, не более того – насколько губительным для России является отождествление “социалистического” с отрицанием всего “буржуазного” (=способов хозяйствования, управления страной, буржуазной культуры и т.д.) и поставит вопрос о переосмыслении социалистической перспективы в России. Он поймет, что якобински-революционная модель “перехода к социализму” должна быть срочно, под угрозой провала “дела Октября”, преобразована в модель социалистического реформизма. Речь у него пойдет о том, чтобы постепенно, шаг за шагом продвигаться вперед, учиться у буржуазии вести дела, завоевывать в экономике, общественной жизни, в области культуры одну позицию за другой, делая завоеванное плацдармом для дальнейшего продвижения. Короче, установку на “переход к социализму”, “непримиримую классовую борьбу” РКП(б) пришлось под угрозой термидора сменить на политику “исторического компромисса”, как много позже, спустя десятилетия, выразится П.Тольятти.

Оказалось, России предстояло совершить переход к совершенно новому, неизвестному прежним социалистам пути общественного развития – к сосуществованию разных экономических укладов в условиях рыночного хозяйства при регулирующей роли пролетарского государства. Разнообразие культур и форм хозяйствования становилось бы в этом случае фундаментальной формой и условием социального общежития народов России. Сосуществование разных экономических укладов в условиях рынка, повышение агрикультуры в деревне благодаря разносторонней помощи со стороны государства, постепенное и обязательно добровольное кооперирование крестьянства, цивилизаторская работа с заново открываемых азов, поиск единства основных классов российского общества, которое бы считалось со старыми и новыми различиями, – вот составляющие нового стратегического курса, которые, пусть не сразу, открылись Ленину в начале 20-х годов. XX в. Как мы видим, социализм в XX в. теряет свою однозначность, фрагментируясь на множество версий, каждая из которых выражает свои конкретные условия, свои исторические задачи. Единство социализму обеспечивают его политические идеалы и социальные цели.

Но именно *такое* представление о социализме и *такая* перспектива вошли в противоречие с военно-коммунистическими убеждениями большинства членов большевистской партии, а также значительной части рабочих и крестьянской бедноты. Они были уверены, что партия, разгромив буржуазию на фронтах гражданской войны, по-прежнему должна действовать во имя социализма “по-революционному”, т.е. применять насилие при всех обстоятельствах и во всех областях общественной жизни. Как и раньше, они связывали путь к социализму с ликвидацией (в прямом, непосредственном смысле, с помощью насилия) всех буржуазных классов, с нераздельным господством коллективных форм хозяйства в экономике и пролетарски-плебейских элементов в политической жизни. То, что предлагал Ленин, казалось чуждым и сталинскому руководству

и большей части рядовых членов партии, — не зря же в Октябре и гражданской войне пролетарии шли в “последний и решительный бой”. НЭП поэтому казался им временной передышкой, вынужденным отказом от революционных методов, своего рода перегруппировкой сил, но отнюдь не стратегическим курсом партии “всерьез и надолго”, к чему в конце своей жизни пришел Ленин.

И все-таки главное, что обеспечило победу сталинского курса после смерти Ленина, это идеология и традиции “военного коммунизма” (концентрация экономической и политической власти в руках государства, диктаторские методы управления и коммунистический мессианизм), господствовавшие в сознании партийных функционеров и значительной части рабочего класса. Эти идеология и традиция были в годы НЭПа задвинуты на время на задний план, но не преодолены, не отброшены. Понадобились подходящие условия и совсем немного времени, чтобы этот комплекс идей превратился в тоталитарную практику большевистской партии и государства. Враг, с которым пролетарской революции пришлось встретиться и который одержал победу над ней, как оказалось, таился не в буржуазии, а в самом рабочем классе, в трудящихся массах, в их политической неразвитости и легковёрности, в господстве идей социальной уравнительности и политической избранности пролетариата. Рабочий класс поверил (а как можно не поверить партии, под руководством которой он в 1917 г. “штурмовал небо”), что может добиться социалистической цели скачком, фронтальной атакой, путем форсированной индустриализации и “ликвидации кулачества на базе сплошной коллективизации”. Он приспособился к роли *исполнителя* директив партии, к роли “массы”, подчиняющейся чужой воле. Конечно, он был обманут: чудовищный разлад между иллюзией социализма и действительной практикой общества, едва затронутого индустриальной цивилизацией, нельзя было преодолеть в обозримое время, но, к сожалению, он *хотел* быть обманутым, хотел верить, что может перейти к социализму в короткий срок, пусть даже ценой исчезновения крестьянина как самостоятельного земледельца. В оправдание иллюзий рабочего класса можно сказать лишь одно: сталинский режим лишил его всякой общности интересов, всякой политической организации, без которых он переставал быть классом, а, следовательно и влияния на общественную жизнь.

Анализ и оценка Русской революции в наше время должны учитывать глубокие изменения, происшедшие в мировой экономике, всемирной истории, начиная со второй половины XX в. Современность сделала капиталистическую формацию не только глобальной, но и многовариантной, полюсы ее разошлись настолько, что на одном из них (Западная Европа, Северная Америка) черты капитализма, характерные для него в прошлом, оказались размытыми, неопределенными. То, что казалось в XIX — в начале XX в. исторической миссией социализма — рационализация производства, меры против прогрессирующего обнищания трудящихся, вмешательство государства в экономическую жизнь общества с целью регулирования и т.п. — все больше становится условием развития капитализма на современной его стадии. В этом смысле социализм в России, даже такой, каким его представлял Ленин, превращался в один из способов построения современного общества.

Как мы видели, с точки зрения социально-экономического развития, речь в Русской революции могла идти непосредственно не о социалистических пре-

образованиях, а о создании таких условий, экономических, политических, культурных, которые бы позволили стране двигаться по пути индустриально развитых стран Западной Европы и Северной Америки, о “переносе” и обновлении наиболее высоких результатов общечеловеческого развития. Фактически перед Россией, СССР после победы революции встали традиционные для многих неевропейских стран проблемы “догоняющего” развития, но теперь уже в новых, невиданных доселе условиях, когда у кормила власти встала коммунистическая партия. Элементарное с точки зрения всемирного капиталистического развития — индустриализация страны, подъем агрикультуры деревни, повышение культурного уровня населения и т.п. не переставало быть таковым. Но в условиях России оно потребовало отнюдь не элементарных решений и мер. Особенность нового социально-экономического строя заключалась в том, что получаемая прибыль попадала не в карман частных собственников или корпораций, а в руки государства, “абстрактного капиталиста”, по выражению Энгельса, которое расходовало ее на нужды укрепления обороноспособности страны, развитие промышленности, культуры и т.п. Такая социальная политика, разумеется, была бы невозможной при старом, частнособственническом капитализме. К тому же, национализация промышленности, торговли, кооперирование сельского хозяйства и т.п. привели к ликвидации рыночных отношений и товарного производства. Этот тип социальной эволюции можно назвать *небуржуазным*, поскольку он отрицал рыночную экономику, частную собственность и буржуазное присвоение произведенного продукта [см. Баллаев 2010: 121]. (Иногда его называют мобилизационным, но в этом определении теряется социально-экономическая составляющая развития). Формально экономический строй СССР можно назвать государственным капитализмом, о котором Энгельс говорил, что тот представляет собой шаг вперед по сравнению с частнособственническим капитализмом. Правда, в условиях России этот капитализм оказался отягощенным азиатски-деспотическими чертами, беспределом органов безопасности, лагерями ГУЛАГа и т.п.

Создавая с помощью насилия общество, которое было бы радикальной антитезой буржуазному строю, его действительным и мнимым порокам, большевики, однако, не сумели выработать модель интегрального развития, которая учитывала бы своеобразие российской действительности, была бы сориентирована на различия в местных условиях, на несовпадающие традиции и обстоятельства, не говоря уже о различиях, связанных с климатом, разным отношением к труду и собственности. В результате такой ликвидации гражданского общества и унификации общественных отношений был создан на базе государственной собственности огромный бюрократический монстр с тотальным распоряжением чиновников, с узурпацией ими власти над человеком, вторжением государства в элементарные условия человеческого существования.

После всего сказанного можно утверждать, что историческая судьба революций кроме социально-экономических условий во многом определяется происхождением, биографией этих революций. Не следует, однако, упрощать: происшедшая смена вектора развития не была изначально заложена в Октябрьской революции. Предпосылки нового политического курса появились в результате отказа от ленинского курса на “самотермидоризацию”, учитывавшего внутреннее противоречие нашей революции, и победы сталинского “термидора”.

“Термидор” *против* “самотермидора”. Создание политического и экономического могущества страны *против* развития России в направлении заново переоткрываемого социализма. Новый (он же традиционный для России) способ с помощью вездесущей бюрократии удерживать институциональную форму добытых результатов *против* стихийного размаха и бьющей через край активности низов. Партийный аппарат, личный домен Хозяина, *против* равноправного партийного товарищества. Но главное, сталинским руководством был отвергнут как “правый уклон” *исторический компромисс* с крестьянством — начало и залог победы Октябрьской революции. Отныне интересы крестьян, вчерашнего союзника в борьбе против буржуазии, оказались уже не в единстве с интересами рабочего класса и его государства, а в неприемимом противоречии с ними. Отсюда политика “ликвидации кулачества как класса” (т.е. уничтожения самостоятельного крестьянина), насильственная коллективизация деревни, не взирая на сопротивление крестьян, затем массовый террор, развязанный властью во второй половине 30-х годов. XX в. Таким образом, революция, которая сделала российского крестьянина владельцем помещичьей земли, а большевиков привела к власти, превратила его же в бесправного наемника, хозяйствующего на государственной земле и полностью зависимого от милости начальства.

Параллельно с форсированной индустриализацией страны и насильственной коллективизацией деревни росло политическое могущество государства. Огромные возможности бюрократического и деспотического государства, соединенные с азиатским игнорированием прав личности, дали в руки сталинского режима неслыханную силу созидать и разрушать. И не случайно в годы пятилеток была кардинально обновлена техническая база народного хозяйства. Правда, бурное развитие промышленности, прежде всего оборонной, совершалось за счет других отраслей народного хозяйства, за счет социально-экономической инфраструктуры в целом. К тому же, всестороннее вмешательство в экономику, иногда полезное, иногда губительное, отсутствие конкуренции и т.п. вели к выпуску затратной продукции, к потере стимулов к модернизации производства, да и просто к добросовестному труду. В каком-то смысле И.В.Сталин был самым полным воплощением наступившей эпохи. Правда, историческую задачу этой эпохи составлял уже не социализм, а *держава*. Интересы государства были поставлены выше интересов людей, средства — выше идей, а результат стал оправдывать применение любых средств. В условиях страны с полуазиатскими нравами населения, со слабыми демократическими традициями (что бы ни утверждал Ленин) это государство оказалось в состоянии серьезно ослабить политический и интеллектуальный потенциал общества, расшатать устои народной нравственности, прочно заблокировать социально-политический прогресс. Существенными характеристиками массового восприятия мира стали личная несамостоятельность, растворение частных интересов, взглядов и мнений в “общих” интересах, взглядах и мнениях. Этатистское сознание, подкрепленное “коммунистической” идеологией, становится доминирующим в обществе и народе. Великая революция обернулась в итоге торжеством “коммунизма”, только не в смысле Маркса, а в духе раннекоммунистических утопий Бабефа, Вейтлинга и др. Правда, в России торжество уравнительности и низведение личных интересов до степени несущей

ественного стали продуктом не только диктата власти над личностью, но и признания самим индивидом примата “коллективного” над индивидуальным.

Как видим, революция вызвала к жизни совсем не те последствия, которые от нее ожидали интеллигенция и народные массы, а другие, порой противоположные. Однако, как это ни странно, установившийся порядок вещей в каком-то отношении основывался на непосредственном совпадении общественных предписаний и фактического поведения основной массы населения. Запас унаследованных от революции надежд, идеологем, осуществленное, хотя и примитивное, социальное равенство и, главное, колоссальная вертикальная мобильность населения создавали у людей представление о новом строе как о самом справедливом для трудящегося обществе. Во всяком случае, принципы распределения общественного богатства до поры до времени соответствовали ценностям большинства населения. Неслучайно мироощущение “простых людей”, несмотря на нищенские по современным меркам условия жизни, несмотря на произвол власти, отличалось своего рода социальным оптимизмом и уверенностью в будущем, гораздо большими, чем сегодня. Кроме веры в лучшее будущее, это настроение подкреплялось массовым внедрением индустриальных способов хозяйствования, приспособлением форм жизни к новым производственным задачам, гордостью за достигнутое и многим другим. Учитывая сказанное, можно утверждать, что самочувствие масс отнюдь не всегда определяется материальным благосостоянием, а зависит от разных причин, которые предстоит еще изучить...

В начале статьи мы говорили о том, что Русская революция возникла как ответ (=поиск ответа) на вызовы Современности. Этот ответ в качестве важнейшей предпосылки требует всеобъемлющей духовной и политической перестройки, которую, как сегодня мы знаем, строй, называвший себя “социализмом”, совершить не смог. И чем дальше развивался этот строй, тем больше он противоречил императивам Современности. Эпоха горбачевской перестройки стала тем временем, когда была поставлена под вопрос институциональная структура советского общества, его способность развиваться и эффективно функционировать. Коммунистический режим полностью выработал свой ресурс и рухнул под тяжестью собственных противоречий, среди которых немаловажное место занимали национальные... Он не только не смог реализовать обещанные коммунистической идеологией блага, но и оказался экономически несостоятельным и политически неэффективным. Измениться же по примеру Китая он оказался не способен. Вечная русская проблема: потребность в преобразованиях возникает в стране тогда, когда силы, в интересах которых проводятся реформы, оказываются духовно, политически не готовыми к ним. Делегитимизация старого режима произошла раньше, чем созрели силы, способные осуществить демократические преобразования. Все, что могли реформаторы противопоставить “коммунизму”, свелось к идеализации рыночных отношений и восхвалению “европейского пути” России. Демократический проект не был соотнесен ни с историческими традициями народа, ни с достигнутым к этому времени гражданским самосознанием людей. И тем не менее, переход к рынку был осуществлен. Рыночное общество и демократический переворот достаточно легко одержали верх в том числе и потому, что нащупали те

болевые точки психологии россиян, которые когда-то использовали большевики — склонность рассматривать материальную проблему как ключевую, определяющую, измерять прогресс исключительно в утилитарном выражении. Однако указанная легкость таила в себе опасности. Прежде всего российская демократия — это демократия с иными, чем на Западе, проблемами. Стремление обновить государственность на демократических основаниях в условиях, резко отличающихся от соответствующих процессов в других странах, требовало новых, оригинальных решений, если угодно, *переоткрытия* заново принципов демократического устройства. Не следует забывать, что демократия, как и свобода, слишком феноменальна, индивидуальна, динамична, чтобы ее можно было осуществить по общим технологическим рецептам. Каждая страна сама выбирает *свою* меру свободы, *свою* форму демократии в зависимости от ситуации и прошлого опыта, *сама* нащупывает меру соотношения и ограничения разных свобод. Но именно этого не смогли понять “отцы-основатели” российской демократии, ослепленные успехами новоевропейской демократии.

Демократия, не обусловленная распространением альтернативных коммунистическому режиму ценностей (либеральных, демократических, христианских и т.п.), не вытекавшая из предшествующей исторической традиции, оказалась для большинства россиян чуждой, как бы спущенной “сверху” в результате политического переворота 1991 г. Вопиющее противоречие между идеалами демократии и водворяемой действительностью, политические импровизации новой власти привели к тому, что демократический режим не смог реализовать собственные цели и обязательства. Колоссальное социальное неравенство, нищета значительной части населения, всесилие коррумпированного чиновничества, возведенное фактически в норму общественной жизни, приватизация власти на местах, моральная деградация народа и т.п. — все это серьезно подорвало веру индивида в возможность идентифицировать себя с целями и ценностями общественной жизни, привело к распаду того, что называют “полем смыслообразования”. В отсутствие равноправного диалога власти и граждан процедура выборов оказалась не в состоянии воздействовать на политику, как центральную, так и региональную. Другими словами, на новой, теперь уже буржуазной основе, была воспроизведена та независимость власти от народа, которая веками существовала в России и которая с каждым переворотом только усиливалась. Впрочем, это особый сюжет, не связанный непосредственно с нашей темой...

И последнее. Парадоксально, но факт: Октябрьская революция в России с помощью антибуржуазных мер раздвинула *пределы возможного*, а как впоследствии оказалось, и исторически *необходимого* для капитализма. (Но в этом ли состоит всемирно-историческое значение Русской революции?) Государственное вмешательство в “свободную” рыночную экономику, в сферу общественных отношений, для которого в России потребовалось свержение политической власти помещиков и буржуазии, оказалось, как показал опыт передовых стран, предпосылкой обновления капитализма и строительства современной цивилизации, еще не социалистической, но уже и не буржуазной в старом смысле этого слова. К сожалению, исторический прорыв Русской революции к Современности обернулся для нашей страны трагедией сталинского террора, господством бесчисленной бюрократии, односторонностью социального и экономического развития. В то время, как развитые капиталистические

страны, утилизируя некоторые элементы социального прогресса, завоеванные на принципиально другой основе и в борьбе с буржуазией, строили современное общество (вспомним “Новый курс” Ф.Д. Рузвельта), советский народ ценой громадных усилий создавал военную сверхдержаву с монополией партии и государства во всех областях экономики, общественной жизни и культуры, с лагерями ГУЛАГа и т.п. Как это получилось, мы сегодня в состоянии понять, но преодолеть наследие коммунистического режима получается не всегда.

Аксельрод П. 1903. “Искра”, № 55, 15 декабря.

Баллаев А.Б. 2010. *Философия революции в марксизме начала XX века. — Философия политического действия. Из истории левой политической мысли.* М.: “Идея-Пресс”.

Гефтер М.Я. 1969. Страница из истории марксизма начала XX века. — *Историческая наука и некоторые проблемы современности.* М.: Наука.

Грамши А. 1959. *Сочинения в трех томах.* М.: Госполитиздат.

Кантор В.К. 1997. *Есть европейская держава. Россия: трудный путь к цивилизации.* М.

Капустин Б.Г. 1998. *Современность как предмет политической теории.* М.: РОССПЭН.

Капустин Б.Г. 2010. *Критика политической философии. Избранные эссе.* М.: Территория будущего.

Крылов В.В. 1982. Капиталистически ориентированная форма развития освободившихся стран (к методологии марксистского исследования). — *Рабочий класс и современный мир*, № 2.

Ленин В.И. 1960. О смешении политики с педагогикой. — Ленин В.И. *Полное собрание сочинений.* Т. 10.

Маркс К. 1955. К критике гегелевской философии права. — Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* Т. 1.

Маркс К. 1957. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* Т. 8.

Ортега-и-Гассет Х. 1997. Восстание масс. — *Избранные труды.* М.: Весь мир.

Шанин Т. 1997. *Революция как момент истины. 1905-1907 гг. — 1917-1922 гг.* М.: Весь мир.

Энгельс Ф. 1966. Николаю Францевичу Даниельсону в Петербург. — Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* Т. 39.

